

DOI: 10.17803/1994-1471.2021.128.7.159-167

Е. И. Галяшина*,
В. Д. Никишин**

Особенности административных дел о признании информационных материалов экстремистскими и их экспертиза в аспекте безопасности интернет-коммуникации¹

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые особенности административных дел о признании информационных материалов, размещенных на страницах Интернета, экстремистскими. Анализ судебной практики по делам о признании информационных материалов экстремистскими (ст. 265.8 КАС РФ) высветил их особую специфику и проблемные аспекты, связанные с экспертными заключениями, используемыми для обоснования административных исков. Предположительно экстремистские материалы выявляются правоохранительными органами в ходе мониторинга социальных сетей и иных ресурсов сети Интернет и направляются для проведения лингвистических экспертиз. В случае выявления экспертом-лингвистом признаков экстремизма прокурор дает правовое заключение и обращается в интересах Российской Федерации и неопределенного круга лиц в федеральный суд с административным иском о признании информации, размещенной на сайтах в сети Интернет, экстремистским материалом, т.е. информацией, распространение которой в Российской Федерации запрещено. В статье делается вывод, что для обоснования доводов административных исков используются заключения экспертов-лингвистов, от качества которых зависит обоснованность принимаемых судебных решений. В качестве основной причины экспертных ошибок автор называет неоднозначность трактовки понятия «экстремистские материалы», что влечет смешение информации, призывающей к совершению экстремистского действия либо его оправдывающей или обосновывающей, и собственно речевого действия призыва либо оправдания или обоснования. Представляется необходимым изменить существующий экспертный подход в сторону выработки единой критериологии определения диагностических комплексов признаков, необходимых и достаточных для обоснования экстремистской сущности информационных материалов с учетом двойственности их юридико-лингвистической оценки.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00190.

© Галяшина Е. И., Никишин В. Д., 2021

* Галяшина Елена Игоревна, профессор кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), ученый секретарь диссертационного совета Д 212.123.01 Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
eigaljashina@msal.ru

** Никишин Владимир Дмитриевич, кандидат юридических наук, директор Центра академического развития и образовательных инноваций, старший преподаватель кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
vdnikidhin@msal.ru

Ключевые слова: информационная безопасность; экстремизм; экстремистские материалы; призыв; оправдание; обоснование; пропаганда; нацистская идеология; нацистская символика и атрибутика; лингвистическое экспертное заключение.

Для цитирования: Галышина Е. И., Никишин В. Д. Особенности административных дел о признании информационных материалов экстремистскими и их экспертиза в аспекте безопасности интернет-коммуникации // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 7. — С. 159–167. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.128.7.159-167.

Peculiarities of Administrative Cases on Recognition of Information Materials as Extremist and their Examination in terms of Secure Internet Communication²

Elena I. Galyashina, Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Forensic Expertise, Scientific Secretary of the Dissertation Council D 212.123.01, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
eigalashina@msal.ru

Vladimir D. Nikishin, Cand. Sci. (Law), Director of the Center for Academic Development and Educational Innovation, Senior Lecturer, Department of Forensic Expertise, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
vdnikidhin@msal.ru

Abstract. The paper discusses some of the features of administrative cases on the recognition of information materials posted on the Internet as extremist. An analysis of judicial practice in cases of recognition of information materials as extremist (Article 265.8 of the Administrative Procedure Code) highlighted their specifics and problematic aspects associated with expert opinions used to substantiate administrative claims. Presumably, extremist materials are detected by law enforcement agencies during the monitoring of social networks and other Internet resources and are sent for linguistic expertise. If a linguistic expert reveals any signs of extremism, the prosecutor issues a legal opinion and in the interests of the Russian Federation and an indefinite circle of persons applies to a federal court with an administrative claim to recognize information posted on Internet sites as extremist material, i.e. information, the distribution of which is prohibited in the Russian Federation. The paper concludes that to substantiate the arguments of administrative claims, the conclusions of linguistic experts are used, the quality of which determines the validity of the court decisions taken. As the main reason for expert errors, the authors cite the ambiguity of the interpretation of the concept of “extremist materials”, which entails a mixture of information calling for committing an extremist action or justifying or substantiating it, and the actual speech action of calling or justifying or justifying. It seems necessary to change the existing expert approach towards the development of a unified criterion for determining diagnostic complexes of signs necessary and sufficient to substantiate the extremist essence of information materials, taking into account the duality of their legal and linguistic assessment.

Keywords: information security; extremism; extremist materials; appeal; justification; justification; propaganda; Nazi ideology; Nazi symbols and attributes; linguistic expert opinion.

Cite as: Galyashina EI, Nikishin VD. Osobennosti administrativnykh del o priznanii informatsionnykh materialov ekstremistskimi i ikh ekspertiza v aspekte bezopasnosti internet-kommunikatsii [Peculiarities of Administrative Cases on Recognition of Information Materials as Extremist and their Examination in terms of Secure Internet Communication]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2021;16(7):159-167. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.128.7.159-167 (In Russ., abstract in Eng.).

---

² The reported study was funded by RFBR according to the research project No. 20-011-00190.

Информационная безопасность общения в интернет-среде сегодня вызывает особую обеспокоенность в связи с массовым распространением в социальных сетях, на видеохостингах и иных ресурсах виртуальной реальности текстов и изображений, со всей очевидностью проявляющих признаки экстремистских материалов. Не менее опасным представляется размещение провокационно-манипулятивной информации, содержащей пропаганду социальной розни, одобрение маргинальных идеологий, оправдание крайних взглядов и шовинистских идей, призывы к проведению различных массовых акций неповиновения, насильственный характер которых вуалируется, а также коллажи и образы, напоминающие нацистскую атрибутику и символику.

Очевидно, что любые проявления экстремизма в глобальной телекоммуникационной сети Интернет с ее вирусоподобным распространением информации и охватом огромной по своим масштабам аудитории представляют реальную угрозу информационно-мировоззренческой безопасности граждан и нормальному функционированию органов государственной власти. Это требует адекватного реагирования, направленного на выявление и удаление из публичного виртуального пространства вредоносного контента, посредством признания его в судебном порядке экстремистским материалом и информацией, распространение которой запрещено в Российской Федерации.

Анализ судебной практики по делам о признании информационных материалов экстремистскими (ст. 265.8 КАС РФ) вывел их специфику и проблемные аспекты, связанные с экспертными заключениями, используемыми для обоснования административных исков. На практике отнесение экспертом-лингвистом конкретного поста, контента, текста или изображения к экстремистскому материалу вызывает немало сложностей и далеко не всегда определяется однозначно.

Дела о признании информационных материалов экстремистскими привлекают особое внимание широкой общественности: правоза-

щитников, политиков, блогеров, журналистов, пользователей социальных сетей и видеохостингов. В средствах массовой информации и на сайтах различных организаций, выступающих в качестве *amicus curiae*, нередко публикуются нелицеприятные рецензии на заключения государственных судебных экспертов по публикациям, выявляемым при мониторинге интернет-сайтов на предмет экстремистского контента. Мнения критиков варьируют от полного неприятия какого-либо ограничения государством доступа к информации в интернет-среде до требования поиска разумного баланса между правом человека свободно искать и получать информацию, правом на свободу слова и плюрализм мнений и правом на безопасность коммуникативных отношений в публичной сфере.

В этой связи представляется актуальным обеспечить судей, прокуроров, Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации и других заинтересованных лиц критериологией, позволяющей обоснованно относить информационные материалы к экстремистским.

Конституционно-правовым основанием признания информационных материалов экстремистскими являются положения ч. 5 ст. 13, ст. 14, 29 Конституции РФ.

В постановлении от 20.09.2018 № 32, вносящем изменения в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»³, Пленум Верховного Суда РФ обращает внимание судов на то, что «гарантированные Конституцией Российской Федерации и международно-правовыми актами свобода мысли и слова, а также право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом могут быть ограничены только в исключительных случаях, прямо закрепленных в федеральном законе, в той мере, в какой это необходимо в демократическом обществе в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здо-

³ СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.08.2020).

ровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства, общественного порядка, территориальной целостности».

В Российской Федерации распространение информации осуществляется свободно при соблюдении требований, установленных законодательством Российской Федерации. Запрещается распространение информации, которая направлена на пропаганду войны, разжигание национальной, расовой или религиозной ненависти и вражды, а также иной информации, за распространение которой предусмотрена уголовная или административная ответственность⁴.

В целях ограничения доступа к сайтам в сети Интернет, содержащим информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено, создана и функционирует единая автоматизированная информационная система «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено».

Действующее российское законодательство определяет, что информационные материалы могут быть признаны экстремистскими только федеральным судом по месту их обнаружения, распространения или нахождения организации, осуществившей производство таких материалов, на основании представления прокурора или при производстве по соответствующему делу об административном правонарушении, гражданскому или уголовному делу⁵.

Признание решением суда информационного материала экстремистским может иметь важные правовые последствия, в том числе для привлечения лиц к ответственности за распространение, производство или хранение соответствующего информационного материала, для изъятия, предотвращения дальнейшего распространения материала иными лицами, ограничения доступа к сайтам в сети Интернет и т.д.

В большинстве случаев предположительно экстремистские материалы выявляются правоохранительными органами в ходе мониторинга социальных сетей и иных ресурсов сети Интернет, после чего они, как правило, направляются для лингвистических исследований и экспертиз. В случае выявления экспертом-лингвистом признаков экстремизма прокурор дает правовое заключение и обращается в интересах Российской Федерации и неопределенного круга лиц в федеральный суд с административным иском о признании информации, размещенной на сайтах в сети Интернет, экстремистским материалом, т.е. информацией, распространение которой в Российской Федерации запрещено.

При подготовке административного дела к судебному разбирательству судья определяет круг лиц, участвующих в деле, права и законные интересы которых может затронуть судебное решение. В случае выявления таких лиц суд привлекает их к участию в деле, извещает о времени и месте судебного заседания. В случае установления лица, действия которого послужили поводом для подачи административного искового заявления о признании информационных материалов экстремистскими, суд привлекает его к участию в деле в качестве административного ответчика. Если лицо, действия которого послужили поводом для подачи административного искового заявления о признании информационных материалов экстремистскими, не установлено, то к участию в рассмотрении административного дела привлекается Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, уполномоченный по правам человека в субъекте Российской Федерации для дачи заключения по административному делу (ст. 265.8 КАС РФ). Судья направляет в адрес названных лиц материалы административного дела о признании информационных материалов экстремистскими для дачи по ним заключения в соответствии с ч. 3 ст. 265.8 КАС РФ о наличии или об отсутствии в них признаков экстремизма. Однако при изучении таких материалов уполномо-

⁴ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149 «Об информации, информационных технологиях и защите информации». Ч. 1 ст. 10 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.08.2020).

⁵ Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Ст. 13 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.08.2020).

моченные по правам человека нередко сталкиваются со сложностями определения информации как экстремистской.

Например, к Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации поступило извещение Харабалинского районного суда Астраханской области о рассмотрении административного искового заявления прокурора Харабалинского района Астраханской области к Управлению Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Астраханской области о признании информационного материала экстремистским, в котором было указано, что выгруженные с сайта изображения сопровождалась надписями «Славяне объединяйтесь, не убивайте друг друга, мочите хачей!». Эксперт, имеющий диплом об окончании Астраханского педагогического института по специальности «преподаватель русского языка и литературы», дал заключение, что спорное высказывание содержит «пропаганду исключительности и превосходства по признаку расовой и национальной принадлежности, возбуждение религиозной розни».

Однако спорное высказывание, во-первых, не содержит пропаганды какой-либо исключительности или превосходства, т.к. является речевым актом призыва к совершению насилия в отношении представителей группы лиц, выделенных по признаку национальной принадлежности, а во-вторых, содержательно высказывание направлено на возбуждение национальной, а не религиозной розни, как указала эксперт. В Большом словаре русского жаргона⁶ указано, что слово «хачик» обозначает армянина, т.к. образовано от распространенного армянского имени или употребляется для наименования представителя одной из кавказских народностей.

Экспертное мнение Научно-образовательного центра по правам человека Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) по данному материалу позволило Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации дать мотивированное заключение об обоснованности административного иска, уточнив проявившиеся признаки экстремистских материалов.

Очевидно, что заключение эксперта выступает достаточно значимым, а в некоторых случаях решающим доказательством, поэтому от качества экспертиз зависит эффективность правоприменительной деятельности по данной категории дел⁷.

Понятие «экстремистские материалы» определено в п. 3 ст. 1 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Экстремистские материалы — предназначенные для обнаружения документы либо информация на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности, в том числе труды руководителей национал-социалистской рабочей партии Германии, фашистской партии Италии, публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство либо оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы.

Следовательно, чтобы информационные материалы можно было признать экстремистскими, в их содержании должен присутствовать один из следующих признаков: 1) призыв к осуществлению экстремистской деятельности, определение которой дано через перечисление действий, определенных в ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»; 2) одобрение или обоснование необходимости этой деятельности; 3) труды руководителей национал-социалистской рабочей партии Германии, фашистской партии Италии; 4) публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство либо оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направ-

⁶ Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. СПб. : Норинт, 2000. С. 644.

⁷ Савинов Л. В. Экспертиза спорных информационных (экстремистских) материалов: методологические и правовые проблемы // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 2. С. 209–222. DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(2).209-222. С. 210.

ленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы.

В этой связи рассмотрим ключевые понятия, составляющие содержание и объем концепта «экстремистские материалы»: призыв к осуществлению деятельности, одобрение или обоснование необходимости деятельности, оправдание и пропаганда нацистской и экстремистской идеологии.

Понятие призыва наиболее детерминировано и вызывает у экспертов меньшие трудности, чем понятия пропаганды, оправдания или обоснования необходимости осуществления какой-либо деятельности или идеологии. Так, под публичными призывами, согласно определению, данному в п. 4 постановлении Пленума ВС РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», следует понимать выраженные в любой форме (например, в устной, письменной, с использованием технических средств) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности⁸.

С. Н. Фридинский отмечает, что «призыв — это воздействие на сознание, волю и поведение людей с целью побудить их к совершению соответствующих действий или воздержанию от определенных действий. <...> Публичные призывы следует понимать как рассуждения, как развитие идей об осуществлении экстремистской деятельности, при этом подача информации, высказывания, обработка сознания людей, изложение своей позиции, формирование устойчивой направленности совершения определенных действий могут носить самый разный характер»⁹.

В русском языке призыв к деятельности со значением побуждения выражается побудительными, императивными конструкциями и

словами с императивной семантикой. О. В. Власова, рассматривая способы представления в плане выражения речевого действия «призыв», отмечает, что «при явном призыве идеологема вводится в текст открыто — за счет предикации. В качестве смыслового и структурного ядра выступает форма повелительного наклонения»¹⁰.

По мнению И. А. Стернина, призывы выражают побуждение и являются разновидностью речевого акта побуждения, общий смысл которого описывается семантической формулой: «Я хочу, чтобы ты сделал нечто»¹¹.

Следовательно, семантика призыва имплицитно может включать компонент положительного отношения автора к действию, к которому побуждается адресат.

Оправдание — признание чего-либо при известных условиях допустимым, непредосудительным, возможным, извинительным, целесообразным, заслуживающим снисходительного отношения, а также признание кого-либо правым, невиновным, поступившим правильно. Оправдание необходимости осуществления какой-либо деятельности содержит указание на ее допустимость, правильность через выражение одобрительного, положительного отношения и указания на ее желательность, надобность.

В русском языке оправдание может выражаться при помощи разнообразных грамматических конструкций выражения общего значения «желательности» с использованием глаголов в сослагательном наклонении либо сочетанием модальных слов и глаголов («желательно», «хорошо бы», «необходимо», «нужно» и т.д.).

Понятийно-семантическим признаком обоснования необходимости деятельности также является выражение автором положительного, одобрительного отношения к ней, но в отличие от оправдания с обязательной аргументацией,

⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (ред. от 20.09.2018) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.08.2020).

⁹ Фридинский С. Н. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности: уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации // Юрист-правовед. 2008. № 4 (9). С. 67.

¹⁰ Власова О. Б. Признаки призыва в контексте лингвистической экспертизы // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 9 (51). С. 123.

¹¹ Стернин И. А. Выявление признаков возбуждения расовой и национальной вражды в лингвистической экспертизе текста : методич. пособие. Воронеж : Гарант, 2010. С. 11.

указанием на наличие существенных причин, оснований для совершения желаемого или требуемого автором действия, приведение убедительных доводов, в силу которых совершение того или иного действия необходимо, позволено, допустимо.

Общим семантическим признаком призыва, одобрения и обоснования выступает презюмируемое положительное отношение говорящего к предмету речи, семантическое поле которого охватывается перечнем видов экстремистских действий.

Законодатель в ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» в качестве экстремистских перечислил как физические, так и словесные действия, которые охватываются понятием «словесный экстремизм»:

- публичное оправдание терроризма и иной террористической деятельности;
- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;
- публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в статье и являющихся преступлением.

Однако собственно речевые акты словесного экстремизма, строго говоря, не охватываются признаками, перечисленными в определении экстремистских материалов. Так, речевой акт «Мочите хачей!», содержащий явно выражен-

ный призыв к насильственным действиям по отношению к представителям группы лиц, выделенных по национальному признаку, не является информацией, призывающей к осуществлению экстремистской деятельности, т.к. в перечне экстремистских действий отсутствует такое деяние, как совершение насильственных действий, направленных против жизни и здоровья представителей какой-либо группы. В то же время, будучи по своему содержанию направленным на возбуждение социальной розни, ненависти и вражды, само по себе указанное высказывание является экстремистским действием.

Следует обратить внимание на еще один важный аспект. В Российской Федерации использование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, как оскорбляющих многонациональный народ и память о понесенных в Великой Отечественной войне жертвах, за исключением случаев использования нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, при которых формируется негативное отношение к идеологии нацизма и отсутствуют признаки пропаганды или оправдания нацизма, является экстремистской деятельностью (экстремизмом) и в силу ст. 6 Федерального закона от 19.05.1995 № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов»¹² в Российской Федерации запрещается. Следовательно, использование указанной символики запрещено во всех случаях, когда при этом не формируется отрицательное отношение к идеологии нацизма и экстремизма и присутствуют признаки пропаганды или оправдания нацистской и экстремистской идеологии.

Под пропагандой понимается целенаправленное и систематическое стремление формировать восприятие, манипулировать знаниями и направлять поведение читателя или слушателя для достижения реакции, способствующей реа-

¹² СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.08.2020).

¹³ Джунт Г. С., О’Доннел В. Пропаганда и внушение. М., 1988 : реферат К. С. Гаджиева // URL: <https://psyfactor.org/lib/propaganda13.htm> (дата обращения: 14.08.2020).

лизации желаемой пропагандистом цели¹³. Главной целью пропаганды является воздействие на общество и индивида для достижения пропагандистом конкретного результата внушения.

Пропагандистское речевое действие следует отличать от публичного распространения информации или выражения мнения, при которых конечной целью распространителя информационных материалов является сам факт информирования или высказывания личной позиции. Одно лишь распространение фактической информации (т.е. констатирующих, информирующих сведений), не содержащее оценивающих ее характеристик, пропагандой не является. Пропаганда направлена на убеждение адресата, воздействие на него с целью изменения его представлений, взглядов, установок. Поэтому не являются пропагандой исключительности, превосходства или неполноценности утверждение о существовании отличающихся друг от друга расовых групп, описание различий в способностях представителей различных рас и национальностей, не содержащее качественной оценки, установления иерархии на основе таких различий.

Пропаганда или оправдание нацистской и экстремистской идеологии подразумевает прежде всего речевое действие «оправдание» — одобрение, восхваление, поощрение, высказывание положительного отношения к идеям, идеологии нацизма и фашизма и ассоциирующихся с ними нацистской атрибутики и символики, героизация представителей нацизма; выражение чувств солидарности с их идеями и деятельностью; признание идеологии нацизма и фашизма допустимыми, непредосудительными, возможными, извинительными, целесообразными, не заслуживающими осуждения; признание деятельности нацистских преступников приемлемой, заслуживающей снисходительного отношения; представление нацистских преступников правыми, невиновными, поступившими правильно и т.д.¹⁴

Для выявления в информационном материале призыва, оправдания, обоснования, пропа-

ганды, для определения того, в каких именно фрагментах текста содержится соответствующий смысл, соотносимый с экстремистской деятельностью, использованы ли языковые средства с положительно-оценочными компонентами, необходимы специальные лингвистические знания — семантический анализ содержания информационного материала. Но установление вопросов права — юридически значимых признаков экстремистских материалов и собственно ответ на вопрос, является ли информационный материал экстремистским, — относится к исключительной прерогативе правоприменителя. При этом должны быть разграничены пределы допустимой реализации права на свободу мысли и слова и конституционно допустимых запретов публичного распространения экстремистских материалов.

В заключение хочется отметить, что основной причиной экспертных ошибок по административным делам о признании материалов экстремистскими выступает неоднозначность трактовки экспертами и правоприменителем понятия «экстремистские материалы», что влечет смешение информации, призывающей к совершению экстремистского действия либо его оправдывающей или обосновывающей, и собственно речевого действия призыва либо оправдания или обоснования как проявления словесного экстремизма.

Учитывая изменения действующего законодательства о противодействии экстремизму и судебную практику рассмотрения дел о признании информационных материалов экстремистскими, представляется необходимым изменить существующий экспертный подход в сторону выработки единой критериологии определения диагностических комплексов признаков, необходимых и достаточных для обоснования экстремистской сущности информационных материалов. При этом важно учесть двойственность их юридико-лингвистической оценки. На первом этапе необходимо определить предметную область: каково содержание информационного материала, о

¹⁴ *Галышина Е. И. Лингвистика vs экстремизма. М., 2006 ; Галышина Е. И., Подкатилина М. Л. Ответственность за демонстрацию нацистской атрибутики или символики либо обозначений, сходных с ними до степени смешения // Lex russica. 2012. № 4. С. 766–773.*

чем он, имеет ли он образовательное, историческое или научное значение. Затем надо установить коммуникативный тип высказывания (призыв, одобрение, обоснование, пропаганда) и направленность на формирование положительного или отрицательного отношения

к экстремистской деятельности, нацистской идеологии. Последнее необходимо только в случаях, когда содержание информационного материала (предмет речи) соотносимо с законодательно определенным понятием экстремистской деятельности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Власова О. Б. Признаки призыва в контексте лингвистической экспертизы // Международный научно-исследовательский журнал. — 2016. — № 9 (51). — С. 123–125.
2. Галяшина Е. И. Лингвистика vs экстремизма. — М. : Юридический мир, 2006. — 96 с.
3. Галяшина Е. И., Подкатилина М. Л. Ответственность за демонстрацию нацистской атрибутики или символики либо обозначений, сходных с ними до степени смешения // Lex russica. — 2012. — № 4. — С. 766–773.
4. Джужуэтт Г. С., О’Доннел В. Пропаганда и внушение. М., 1988 : реферат К. С. Гаджиева // URL: <https://psyfactor.org/lib/propaganda13.htm> (дата обращения: 14.08.2020).
5. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. — СПб. : Норинт, 2000. — 717 с.
6. Савинов Л. В. Экспертиза спорных информационных (экстремистских) материалов: методологические и правовые проблемы // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2015. — Т. 9. — № 2. — С. 209–222.
7. Стернин И. А. Выявление признаков возбуждения расовой и национальной вражды в лингвистической экспертизе текста : методическое пособие. — Воронеж : Гарант, 2010. — 20 с.
8. Фридинский С. Н. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности: уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации // Юрист-правовед. — 2008. — № 4 (9). — С. 67–71.

Материал поступил в редакцию 16 августа 2020 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Vlasova O. B. Priznaki prizyva v kontekste lingvisticheskoy ekspertizy // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. — 2016. — № 1 (51). — S. 123–125.
2. Galyashina E. I. Lingvistika vs ekstremizma. — M. : Yuridicheskij mir, 2006. — 96 s.
3. Galyashina E. I., Podkatilina M. L. Otvetstvennost' za demonstraciyu nacistской атрибутики ili simboliki libo oboznachenij, skhodnyh s nimi do stepeni smesheniya // Lex russica. — 2012. — № 4. — S. 766–773.
4. Dzhueett G. S., O'Donnel V. Propaganda i vnushenie. M., 1988 : referat K. S. Gadzhieva // URL: <https://psyfactor.org/lib/propaganda13.htm> (data obrashcheniya: 14.08.2020).
5. Mokienko V. M., Nikitina T. G. Bol'shoj slovar' russkogo zhargona. — SPb. : Norint, 2000. — 717 s.
6. Savinov L. V. Ekspertiza spornyh informacionnyh (ekstremistskih) materialov: metodologicheskie i pravovye problemy // Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. — 2015. — T. 9. — № 2. — S. 209–222.
7. Sternin I. A. Vyyavlenie priznakov vzbuzhdeniya rasovoj i nacional'noj vrazhdy v lingvisticheskoy ekspertize teksta : metodicheskoe posobie. — Voronezh : Garant, 2010. — 20 s.
8. Fridinskij S. N. Publichnye prizvy k osushchestvleniyu ekstremistskoj deyatel'nosti: ugovovno-pravovaya harakteristika i voprosy kvalifikacii // Yurist-pravoved. — 2008. — № 1 (9). — S. 67–71.